

Поэтологические штудии

Анна Родионова

Техническое воображение Александра Кондратова

Anna Rodionova

Aleksandr Kondratov's Technical Imagination

Анна Родионова

НИУ ВШЭ, Школа филологических наук, преподаватель; кандидат филологических наук
arodionova@hse.ru.

Anna Rodionova

PhD; Lecturer, School of Philological Studies, HSE University
arodionova@hse.ru.

Ключевые слова: Александр Кондратов, техническое воображение, кибернетика, неофициальная литература, филологическая школа

Keywords: Alexander Kondratov, technical imagination, cybernetics, unofficial literature, philological school

УДК: 82-1+82.0

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_303

UDC: 82-1+82.0

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_303

В статье анализируется поэтический метод Александра Кондратова (1937–1993) — ленинградского неофициального автора, исследователя и популяризатора кибернетики. Автор обращается к его концепции поэтического творчества, проектам, архивам, научно-популярным и поэтическим текстам. В статье анализируется роль комбинаторики в его творчестве в контексте наследования историческому авангарду и современным автору процессам в культурной концептуализации техники.

The article analyzes the poetic method of Alexander Kondratov (1937–1993), an unofficial author, researcher, and popularizer of cybernetics from Leningrad. The author addresses his concept of poetic creativity, projects, archives, popular science and poetic texts. The article analyzes the role of combinatorics in his work in the context of inheritance from the historical avant-garde and contemporary processes in the cultural conceptualization of technology.

Александр Михайлович Кондратов (1937–1993) — писатель, ученый и журналист, по его собственному определению¹. Вообще же сферы деятельности Конд-

1 «Филологическая школа» // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 1 / Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. С. 204.

ратова были чрезвычайно разнообразны²: он был автором множества научно-популярных и паранаучных книг на разные темы (от математики до биологии и океанологии), занимался лингвистическими и стиховедческими исследованиями, расшифровывал древние письма математическими методами, участвовал в экспериментах по компьютерному моделированию поэтического творчества, был одним из первых популяризаторов кибернетики и того, что позже назовут *digital humanities*³. Однако литературоведам он известен в первую очередь как один из представителей ленинградской неофициальной литературы, близкий к кругу поэтов «филологической школы».

В написанном от третьего лица приложении к автобиографии поэта 1977 года, подробно приведенном и прокомментированном в статье Юрия Орлицкого и Михаила Павловца⁴, Кондратов в общих чертах обозначает свой литературный генезис и основной вектор своей поэтической работы: он «является продолжателем традиции русского “будетлянства”, краеугольным камнем которого явилась творческая деятельность Велимира Хлебникова (и генетическая связь с которым прослеживается через ленинградских “обэриутов” 20–30-х гг., а затем “неофутуристов” начала 50-х — Ю. Михайлова, Э. Кондратова, М. Красильникова). Экспериментальный поиск поэзии А. Кондратова смыкается с проблемами кибернетического моделирования творчества (в рамках предельно формальных поэтических форм, вроде палиндрома, брахиколона и т.д., где отбор слов строго задан самой формой стихотворения)»⁵. Там же Кондратов комментирует и свою позицию на литературном поле, отмечая, что «многочисленные попытки опубликовать экспериментальные произведения, предпринимаемые автором на протяжении 1957–1977 годов, успехом не увенчались по причинам, носящим экстралитературный характер», при этом «автор предполагает начать публикацию своих произведений в издательствах, над которыми не тяготеет страх чиновников потерять свое место, административные методы руководства художественным творчеством и т.п.»⁶.

Таким образом, уже в этой краткой самопрезентации намечена центральная для Кондратова проблема — продолжение лингвистических поисков исторического авангарда, но с привлечением достижений современной науки. При этом поэтическое обращение к началу XX века, по всей видимости, явно отличалось от «номенклатурной» интерпретации прошлого в официальных советских институциях, в которых применяют «административные методы руководства» литературой. Кажется крайне интересным, что Кондратов совмещает диалог с прошлым и живой интерес к современным для него реалиям и новейшим для того времени машинным способам создания и анализа текста. Тем не менее отношение и к поэзии, и к прогрессу у Кондратова отличается от позиций авторов, на которых он ссылается в автокомментарии, о чем я попробую рассказать подробнее.

-
- 2 Подробнее см.: Лосев Л. Homo ludens умер / Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. С. 293; Мирзаев А. Феномен Александра Кондратова (Сэнди Конрада). Фигура отсутствия // Зинзивер. 2008. № 2 (10).
 - 3 Кондратов А. Математика и поэзия. М.: Знание, 1962.
 - 4 Орлицкий Ю., Павловец М. Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. № I/II. С. 1–13.
 - 5 Кондратов А. 6 января 1977 // ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 1. Л. 9.
 - 6 Там же.

Яркая особенность Кондратова — предельная структурированность его творческого проекта. Подробно об этом пишет в своей монографии и докторской диссертации Михаил Павловец:

Поле авангардного поэтического эксперимента Кондратов мыслил в виде своего рода матрицы — как грандиозный, но не бесконечный набор вариантов формальных опытов по авангардной деструкции/конструированию художественной формы на всех ее структурных уровнях — от фоники до графики. Частично это поле уже заполнено предшественниками, чье наследие нуждается в реактуализации и обобщении (что особенно актуально в контексте позднесоветской, контравангардной и контрреволюционной — в эстетическом смысле — культуры). Однако эта реактуализация позволяет выявить и свободные ячейки матрицы, заполнение которых является миссией современного поэта — наследника традиций исторического авангарда⁷.

Работа непосредственно с материальными аспектами языкового выражения у Кондратова близка к «органицистской» линии футуризма и связана с Велимиром Хлебниковым, крайне важным для автора. Часто тексты Кондратова строятся на основе сочетаний аллитераций и ассонансов, палиндромии, паронимической аттракции, при этом автор стремится задействовать все возможные сочетания букв в рамках созвучия. Можно обратиться, например, к отрывкам из поэмы «Будетляне» (1952–1977), которая особенно репрезентативна в плане обозначенных методов и представляет собой нечто вроде поэтического каталога приемов «русского футуризма», расширенных и доведенных до предела:

Закручен Крученых
стамеской Каменского.
Маячь, Маяковский —
ковкий, броский!
Гурии горн —
гори, Гуро!
Хлеб, не ков —
Виктор Хлебников —
Велимир
вел их мир!⁸

Сталью застыл.
Стами стопами стыл.
Стенами — тоннами — темами — тумбами — бомбами
(бомбы работали помпами).
Помпы помпезность.
И паса пампасы.
Пассии.
Пассы⁹.

7 Павловец М. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX — начало XXI века. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025. С. 110.

8 Кондратов А. Избранные произведения / Подгот. текста и коммент. М. Павловца и Ю. Орлицкого // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. №1/II. С. 46.

9 Там же. С. 53.

Этот подход исследователь Харальд Хартунг называет «комбинаторной техникой пермутации, то есть закономерного или произвольного обмена или преобразования данных элементов»¹⁰, — комбинация ограниченного набора словосочетаний, слов или же их фрагментов (морфем и графем). С одной стороны, здесь очевидно заявленное автором наследование футуризму, «будетлянству». С другой стороны, сам подход к поэтической работе языка здесь выглядит намного более системным и скрупулезным, о чем уже высказывался Михаил Гаспаров:

Особенность творчества Кондратова — систематичность. Если Крученых был романтик крайней левой поэзии, то Кондратов — ее классик. Открыв прием, он не ограничивается тем, что блеснет им, отбросит и погонится за новым: он будет разрабатывать его во всех направлениях до полного исчерпания¹¹.

Скорость («чтоб писалось и смотрелось во мгновение ока»¹²), деавтоматизация восприятия и воспринятийное неудобство, соответствующее «повышенной нервности» городской жизни¹³, реализованные в практике футуристов, у Кондратова приобретают другие очертания. Это кажется значимым в контексте изучения технического воображения в литературе XX века¹⁴, то есть способов формулирования мыслей о технике и прогрессе в литературе, позволяющий проявлять при этом конкретные отношения со средой (как перцептивной, так и культурно-исторической), выражая их в тексте. Если для футуристов актуальным является контекст начала XX века с его индустриальной моделью осмысления техники в культуре, то Кондратов как поэт и исследователь развивается уже в другой период, когда представление об информативности, коммуникативности технического объекта постепенно выходит на авансцену. Техническое воображение «будетлян» оказывается в его случае адаптировано под комбинаторную природу техники новой компьютерной эры.

Кажется важным в этом месте сопоставить техническое воображение Кондратова с процессами, происходящими вокруг кибернетики в 1950–1960-е годы. Этот период отмечен наложением нескольких тенденций. С одной стороны, в разговорах о технике и прогрессе сохранялся индустриальный преобразовательный пафос. Однако в тот же период происходило подспудное движение к популяризации кибернетики. От полного неприятия в официальных источниках она прошла путь к становлению стратегически важной областью знаний (во второй половине 1950-х годов), затем стала крайне популярной (в 1960-е), а после — приобрела черты бюрократизированной науки (в 1970-е), чей дискурс почти слился с властным¹⁵. Вместе с этим мутировал специфический язык позднесоветской эпохи, который историк науки Вячеслав Герович назвал «киберязом» (*cyberspeak*). По аналогии с советским «новоязом» (*newspeak*), «кибе-

10 Hartung H. Experimentelle Literatur und Konkrete Poesie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975 (цит. по: Павловец М. Неоавангард в русскоязычной поэзии... С. 112).

11 Кондратов А. 6 января 1977 // ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 18.

12 Литературные манифесты: От символизма к Октябрю / Сост. Н.Д. Бродский, В.Л. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929. С. 79.

13 Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018. С. 77.

14 Родионова А. Техническое воображение в русскоязычной неподцензурной поэзии второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.

15 Gerovich S. From newspeak to cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

ряз» захватил официальную (на уровне высказываний высокопоставленных чиновников и газет) и полуофициальную (в языке научно-технической интеллигенции) дискурсивные сферы. Тем не менее кибернетика не теряла окончательно свой неофициальный флер, несмотря на то что ее язык уже к 1970-м бюрократизируется: она сохраняла актуальность для разных, в том числе неофициальных и полуофициальных инициатив, например для советского цифрового искусства и цифровых гуманитарных исследований¹⁶.

Как можно понять, занятия техникой и наукой в этот период были довольно противоречивы: они воспринимались как зона относительной свободы от прямого идеологического контроля (в отличие от гуманитарных областей), но в то же время советские инженеры и техническое работки как сами становились проектировщиками разных вариантов технократических идеологий¹⁷, так и испытывали на себе манипуляции «казаками» режимами воображения, санкционированными властью, как об этом пишет Илья Кукулин, анализируя периодику, адресованную инженерно-технической интеллигенции¹⁸.

В этом контексте работа Кондратова представляет собой интересный пример *недискурсивного* обращения к техническому воображению. В отличие от ряда его современников — поэтов и писателей — герой этой статьи прибегает к техническим возможностям прежде всего в области работы с устройством самого текста, оставаясь относительно независимым от лексического и тематического уровня технического воображения. Для Кондратова важно расширение поэтических возможностей прежде всего за счет комбинаторики, в том числе компьютерной.

Вернемся к тому, как Кондратов группировал свои тексты: здесь ему тоже свойственен системный подход. Об этом он пишет в программном тексте «Мои троички», своего рода метаманифесте, в котором схематизация биографии соседствует с разделением всего творчества на смысловые части. Так, говоря о своей поэтической ипостаси, Кондратов выделяет три группы текстов: «поэзия лирическая (“Лам” — Путь) — поэзия сатирическая (“Скирли”) — поэзия экспериментальная (“Пузыри” + “Конкреции” и “Программы”)¹⁹. Именно последние тексты, которые отнесены автором к «поэзии экспериментальной», будут интересовать нас прежде всего. Каждый проект поэта должен был заполнять свою лакуну, актуализируя определенный способ поэтической работы с языком: автор мыслит формальный эксперимент потенциально исчерпаемым. Как пишет Михаил Павловец, большинство из этих лакун заполнены лишь отчасти или пусты, поскольку оказались потеряны, как часть из сборников книги «Пузыри» или «Скирли», часть из 108 глав поэмы «Кощей» и ряд других.

Однако, несмотря на ограниченный доступ к текстам, можно сказать, что в само мышление о поэтической работе у Кондратова заложен ограничивающий комбинаторный элемент. Репрезентативно в этом контексте выглядит, например, небольшая подборка «Игровые стихи» в журнале «Аврора». Конд-

16 Пруденко Я. Кибернетика в искусстве и культуре СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2018.

17 Gerovich S. From newspeak to cyberspeak.

18 Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 145.

19 «Филологическая школа» // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 1. С. 235.

ратов приводит 10 различных поэтических форм (как уже существующих в поэзии, так и придуманных непосредственно им): I. «Перевертни» («раки», палиндромы). II. «Нумерология» (стихотворения, включающие в каждой строке цифры в восходящем или нисходящем порядке). III. «Цифирь» (стихотворения, в словах которых омонимичные звуко-комплексы заменяются соответствующими цифрами, например «100почная цыганская»). IV. «Хокку-тавтограммы». V. «Цепочки-моноримы» (однословные моноримы). VI. «Друдлы и гиатусы» (друдлы построены на скоплении согласных, то гиатусы — на зияниях, т.е. сочетании гласных звуков). VII. «Редупликации» (обыгрывание двойных слов вроде «чуть-чуть»). VIII. «“-Б”-стихи» (из цепочек слов на -ь: как конвенциональных — «тишь», так и окказионализмов — «стишь»). IX. «Русские иероглифы» (стихи с использованием элементов пиктографического письма). X. «Брахиколонны»²⁰.

Комбинаторность подхода Кондратова к творчеству уже содержит в скрытом виде связь технологии и поэзии. В само разнообразие формальных экспериментов вшито представление о технэ, которое вместе с непосредственной компьютерной оснасткой (с помощью нее, например, должны были быть созданы «Программы») приобретает еще более явные черты. Самого автора крайне интересовали способы «кибернетического моделирования творчества», о чем уже было упомянуто в начале статьи. Хотя сам взгляд на исчерпаемость приемов уже можно считать отчасти комбинаторным, у Кондратова можно найти и более строгие примеры «литературы формальных ограничений»²¹.

Из доступного для чтения материала это, например, опыты создания ЭВМ-поэзии в дневнескандинавских жанрах драпы и нида. Об этом можно узнать из статьи Кондратова, написанной совместно с минским лингвистом Александром Зубовым, «Программа “Скальд” — опыт моделирования поэтического творчества для ЭВМ»²². Так же, как и в других экспериментальных текстах Кондратова, внимание к фоническому и графическому измерению текста здесь соседствует с комбинаторными ограничениями:

ДРАПА МЕЧУ

Ври, мчи,
при меч!
Серп
сечь,
бич
битв,
брат
бритв!
Быстр,
остр,
шустр,
востр —

20 Кондратов А. Игровые стихи // Аврора. 1990. № 12. С. 100–106.

21 Бонч-Осмоловская Т. Поэтика «Ста тысяч миллиардов стихотворений» Раймона Кено // Урал. 2002. № 6. С. 11–33.

22 Кондратов А., Зубов А. Программа «Скальд» — опыт моделирования поэтического творчества для ЭВМ // Кибернетика. 1984. № 3. С. 86–88.

страж
 страд,
 страх
 стад,
 Мчи
 меч!
 Бей,
 меч!
 Бить,
 бич,
 серп
 сеч²³.

Расположение текста на странице — пример авторского интереса к графическим параметрам текста (тоже восходящего к историческому авангарду) и тяготения к формальному соответствию между визуальным и текстуальным измерениями (в этом случае выраженное через то, что стихотворение визуально повторяет форму меча). Сочетание односложных слов тоже корреспондирует с другими поэтическими экспериментами автора: много таких примеров можно найти в уже упомянутой подборке «Игровых стихов». Предполагаемая алгоритмическая генеративность здесь заключается в сочетаемости слов, в их подборе.

В этом контексте раздел большого авторского проекта Кондратова под названием «Программы» представляет особый интерес. Вот что автор пишет об их задумке в «Моих троих»: «“ПРОГРАММЫ” (книга 4) — 100 программ и 1000 текстов, порожденных этими программами с помощью ЭВМ (5-й том — или, если не будет проведен эксперимент с ЭВМ, то как книга 4-го тома “КОН-КРЕЦИИ”)»²⁴. Эта группа текстов должна была стать примером генеративного искусства. Возможность генерировать стихотворения при помощи компьютеров интересовала Кондратова многие годы. О потенциале кибернетической поэзии он упоминал в своих статьях «От нуля к нулю» (1961), «Кибернетика и абстракционизм» (1963). Несмотря на критику западного «беспредметного» искусства (необходимую для официально публикуемой статьи с такой неоднозначной темой), Кондратов находит возможность в этих текстах рассказать о возможностях применения кибернетических методов в поэзии. В своей научно-популярной книге «Математика и поэзия» (1962) он еще более прямо размышляет об идее создания «роботов-поэтов», которые бы могли самостоятельно генерировать тексты. Вообще же книги Кондратова «Математика и поэзии» и «Число и мысль» были одними из первых работ по апологии эстетического взаимодействия с ЭВМ²⁵.

Исследовательница медиаискусства Янина Пруденко видит деятельность Кондратова крайне важной для формирования самостоятельного инструментария советских *digital humanities* и «другой эстетики» — так она называет совокупность эстетических открытий позднесоветского периода, опирающуюся на кибернетику и не вписывающуюся до конца в официальную эстетическую

²³ Там же. С. 88.

²⁴ «Филологическая школа». С. 236.

²⁵ Пруденко Я. Кибернетика в искусстве и культуре СССР. С. 152.

доктрину. Предположение о внутренней независимости советских *digital humanities* от властного дискурса не кажется мне до конца верным (о том, как могло происходить поглощение кибернетических открытий и концептов бюрократией, см. в уже упомянутой работе Геровича)²⁶. Тем не менее у работы с языком, оснащенной кибернетическим представлением об общей информативности различных явлений, был свой эмансипаторный потенциал, связанный с автономизацией перцептивного опыта, который может быть зафиксирован в поэтическом тексте. Приведу пассаж из книги Кондратова «Математика и поэзия» (1962): «...в будущем, когда будут созданы автоматы, обладающие многочисленными и даже не свойственными человеку эмоциями, мы сможем заставить их рассказать о впечатлениях, которые им доставляет мир, на языке поэзии»²⁷.

Такой подход к творчеству показывает еще одну грань технического воображения автора. Компьютерное расширение потенциальных действий, которые можно реализовать, работая над текстом, позволяет Кондратову переосмыслить роль, функцию и границы формального языкового эксперимента. Создается представление о потенциальной исчерпаемости этого эксперимента, при этом особенности языка становятся, с одной стороны, вычисляемыми, доступными для разметки, а с другой — инаковыми, готовыми для передачи нечеловеческого (машинного) опыта в будущем.

Исследователи и философы, осмысляющие компьютерные вычисления сегодня, могли бы назвать форму субъектности, стоящей за проектом Кондратова, ранней формой *алгоритмического субъекта*, включенность в кибернетические связи и автоматизация разума которого трансформирует его орудие познания²⁸. Подтверждают этот ракурс и некоторые ранние отклики на тексты Кондратова. Так, В. Н. Альфонсов пишет: «Никогда не мог определить, что перевешивает в стихах А. Кондратова — крайняя субъективность или некое общее типологическое свойство — особенности, так сказать, кибернетического сознания, где метод, подход, оказывается выше привычных (эмоциональных, психологических) измерений. Наверное, в этом взаимодействии и неразличимости полярных свойств и заключается своеобразие его поэзии»²⁹. Отличие в том, что современная экология алгоритмов скорее имеет дело с понятием неисчислимости, в отличие от более раннего и потому более утопического взгляда Кондратова на потенциальную финитность всех приемов.

Таким образом, Александр Кондратов в своем творческом проекте обращается к характерной для многих представителей ленинградской неофициальной литературы ревизии авангардных литературных приемов. Ему важно проектное отношение к творчеству, в рамках которого могут сосуществовать достаточно противоречивые тенденции. Генеративный потенциал — как поэтического мышления автора, так и работы ЭВМ, которые в этом случае вступают в своего рода альянс, — использован для попытки закрыть проект исторического авангарда, исчерпав и «разработав» его формальные особенности. Можно сказать, что в этом проявилась переходность периода 1960–1980-х годов как в области литературного технического воображения, так и культурной реакции на технический прогресс вообще.

26 Gerovich S. From newspeak to cyberspeak.

27 Кондратов А. Математика и поэзия. М.: Знание, 1962.

28 Parisi L. The alien subject of AI // Subjectivity. 2019. № 12 (3). P. 27–49.

29 Кондратов А. 6 января 1977 // ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 15.

Библиография / References

- Бонч-Осмоловская Т. Поэтика «Ста тысяч миллиардов стихотворений» Раймона Кено // Урал. 2002. № 6 (URL: <http://s://magazines.gorky.media/ural/2002/6/poetika-8220-sta-tysyachmilliardov-stihotvorenij-8221-rajmona-keno.html>).
- (Bonch-Osmolovskaya T. Poetika «Sta tysyach milliardov stihotvorenij» Rajmona Keno // Ural. 2002. № 6 (URL: <http://s://magazines.gorky.media/ural/2002/6/poetika-8220-sta-tysyachmilliardov-stihotvorenij-8221-rajmona-keno.html>).)
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018.
- (Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben. Moscow, 2018. — In Russ.)
- Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 145 (URL: <http://s://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/periodika-dlya-itr-sovetskie-nauchno-populyarnye-zhurnaly-i-modelirovanie-interesov-pozdnesovetskoj-nauchno-tehnicheskoy-intelligenczii.html>).
- (Kukulin I. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-tehnicheskoy intelligenczii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 145 (URL: <http://s://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/periodika-dlya-itr-sovetskie-nauchno-populyarnye-zhurnaly-i-modelirovanie-interesov-pozdnesovetskoj-nauchno-tehnicheskoy-intelligenczii.html>).)
- Лосев Л. Homo ludens умер / Меандр: Мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. С. 293–304.
- (Losev L. Homo ludens umer / Meandr: Memuar-naya proza. Moscow, 2010. P. 293–304.)
- Мирзаев А. Феномен Александра Кондратова (Сэнди Конрада). Фигура отсутствия // Зинзивер. 2008. № 2 (10). С. 10.
- (Mirzaev A. Fenomen Aleksandra Kondratova (Sendi Konrada). Figura otsutstviya // Zinziver. 2008. № 2 (10). P. 10.)
- Орлицкий Ю., Павловец М. Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. № I/II. С. 1–13.
- (Orlickij Yu., Pavlovec M. Tri tvorcheskih lika Aleksandra Kondratova // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. № I/II. P. 1–13.)
- Орлицкий Ю., Павловец М. Наследники Хлебникова: Генрих Сапгир, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Сергей Бирюков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 94–110.
- (Orlitskiy Yu., Pavlovets M. Nasledniki Khlebnikova: Genrikh Sapgir, Gennadiy Aygi, Aleksandr Kondratov, Sergey Biryukov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: yazyk i literatura. 2018. Vol. 15. Iss. 1. P. 94–110.)
- Павловец М. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX — начало XXI века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025.
- (Pavlovets M. Neoavangard v russkoyazychnoy poezii: vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka. Moscow, 2025.)
- Пруденко Я. Кибернетика в искусстве и культуре СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2018.
- (Prudenko Ya. Kibernetika v iskusstve i kul'ture SSSR. Analiz bol'shikh baz dannykh i komp'yuternoye tvorchestvo. Moscow, 2018.)
- Родионова А. Техническое воображение в русскоязычной неподцензурной поэзии второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.
- (Rodionova A. Tekhnicheskoye voobrazheniye v russkoyazychnoy nepodtsenzurnoy poezii vtoroy poloviny XX veka: dis. ... PhD. Moscow, 2024.)
- Gerovich S. From newspeak to cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Hartung H. Experimentelle Literatur und Konkrete Poesie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1975.
- Parisi L. The alien subject of AI // Subjectivity. 2019. № 12 (3). P. 27–49.